

ОЛЕГ ТАРАСОВ

ЗИГЗАГ СОВЕСТИ

РАССКАЗ

Пассажирский микроавтобус “Фольксваген” уверенно глотал километры оживающей трассы Нефтеюганск–Сургут. Яркие красные кресты на белых гляцевых боках свидетельствовали о его медицинской принадлежности. В “бусике” находилось около десятка врачей — региональная медкомиссия отправилась на осмотр работников крупной газодобывающей компании.

Летний день в предполярных местах долог, и солнце оторвалось от горизонта уже давно, хотя и без претензии на высоченный зенит. Половина врачей, пользуясь комфортом междугородного салона, добирала утренний сон. Глава комиссии с озабоченным видом вчитывался в планшет, лежащий на коленях. Кто-то смотрел в окно. Парочка молодых людей, расположившаяся на последних четырёх сиденьях, оживлённо переговаривалась.

Терапевт Леонид Иванович Ельцов пытался дремать. Не выходило — говорливая парочка сидела как раз позади него. Ельцов подоплёку оживления раскусил сразу: симпатичная рыжеволосая девчуха приехала окулистом совсем недавно. И дерматовенеролог Гена, считающий себя бывалым альфасамцом и юмористом, теперь пытается произвести впечатление, сдабривая свою речь изрядным налётом цинизма — как же, взрослые люди обязаны сразу ограждать себя от моральных химер!

Ельцов слышал, как острым языком Гена прошёлся по некоторым присутствующим врачам. И по нему тоже — правда, сбавленным тоном. Впрочем, Ельцов и так мог предположить собственную оценку в глазах коллеги — этого юноши отнюдь не с горящим взором, а напротив — лениво-высокомер-

ТАРАСОВ Олег Васильевич родился в 1964 году в городе Новосибирске. В 1985 году окончил военное училище в Ульяновске. В настоящее время офицер запаса. Живет в Белгороде.

ным, и с внутренней убеждённости, что, изучив способы распространения сифилиса, он всеобъемлюще познал жизнь.

Ельцов, самый старый здесь из врачей, подбирается к дате в пятьдесят лет, и занесло его на Север по крепкой нужде, вне всяких глобальных планов. Ещё относительно недавно казалось, что обустроился он за трудовые годы, чего-то достиг: семья, двое детей, работа и авторитет — а вот поди! Лет пять назад жена резко сделала карьеру до главврача и слюбилась крепкой любовью с каким-то бойким адвокатом.

Ельцов не стал воевать ни за даму сердца, ни за жильё: оставил всё как есть, даже на официальный развод махнул рукой. Переехал в соседний город, через кредит и родительскую помощь приобрёл себе квартиру и... попался.

Вызвали его повесткой в суд: супруга расторгала брак и требовала разделить совместно нажитое имущество: ему, ей и младшему сыну, которому вот-вот исполнится восемнадцать. Совместно нажитым имуществом значилась его новая квартира... Адвокат на той стороне орудовал грамотно: суд рассмотрел дело в пользу истца, и Ельцов лишился жилплощади, получив на руки треть её стоимости.

Бомжевать на старости лет — занятие опасное. Хоть с дипломом, хоть без диплома; что с работой, что без работы. Надо добавлять средств к законной трети и обзаводиться углом. Да где ж такую суммишу снова найти? В городке денег больших не поднять, хоть сутками с работы не вылазь. Пока думал-гадал, вакансия на Север подвернулась — в профмедцентр, благо, комиссию по здоровью прошёл.

Уже год Ельцов мотается на квартальные вахты, собственной шкуркой ощущает “прелести” кочевой малоустроенной жизни. И с коллективом отношения сложные: вроде не в изоляции, и не сказать, что в доску свой.

Причин для обособленности куча: докторов будто сквозняк перемешивает, только успевай с новыми знакомиться и гадать, куда старые делись? К тому же, люди сегодняшнего Севера географию не только российскую представляют, а и половины СНГ. У географии этой одно порождение — синдром улитки. Хочется залезть в личное неприступное пространство и там как можно дольше находиться. Синдром скорее из области мечты, куда от посторонних денешься, если комната вахтовиков, минимум, на четверых рассчитана?

Да плюс командировки регулярные: на днях осмотр педагогов Салехарда, через неделю — в Дудинке слушаешь фонендоскопом портовых ребят. Круговерть и чехарда мест и людей. А временность отношений заставляет человеческое в глубь прятать, по рубежам своей природы всякую гадость выставлять.

И главное, пожилой он в глазах коллектива человек, отсталый. Вне современной формации, поскольку средний возраст коллег тридцать пять лет — Север молодые силы зовёт. Толку, что опыт у него громадный? Сейчас всем статус подавай! На худой конец, взамен статуса демонстрируй пенты. Навязывай собственное представление о собственных великих достижениях, а остальных равняй к плинтуеу!

Молодёжь вообще с изрядной наглостью действует. Тот же дерматовенеролог Гена. Высокий, ловкий, далеко не слабак. А грузили однажды из центра лабораторное оборудование, заметил Ельцов, как тот с особым вниманием терапевта контролирует. Чтобы не отставал “старичок”, который ему в отцы годится, и больше положенного не отдыхал. Нутром ощущал, как чесалось на языке у Гены: “Раз слабенько тянешь, значит, хлебные края не для тебя!” Да только лишил он Гену такой возможности — служит ещё добрую службу спортивная закалка.

“Эх-хе-хе, вот она — современность темы отцов и детей! — думал с надрывной грустью Ельцов. — Ощущение такое, что детки хотят старшее поколение в утиль списать. Не надо им опыта перенимать, не нуждаются они в зрелой подмоге. “Споры? Поиск истины? Старички, не утомляйте порожняком!” Хотят нам гробовщиками быть, и по единственной причине: что мы в их понятии безнадежно старые”.

Теперь-то Ельцов отлично понимал, куда влез. Спустя год ему уже думалось, что любой вахтовик подобен шару в барабане спортлото. Так же все

крутятся, носятся, сшибаются друг с другом за собственный интерес, за место под солнцем; и каждый преисполнен надежд, что именно он и есть выигрышный шар.

Впрочем, по большому счёту, жалко Ельцову молодёжь. Профессию выбрали серьёзную: работать с самой ценной материей на земле — человеком и его здоровьем. Так и нельзя спустя рукава к этой профессии относиться, какие бы ни были времена, — нельзя!.. Спрашивал себя с некоторым страхом: может, и он таким в молодости был? Вспоминал свои первые шаги, сокуреников и отвечал: нет. По-другому относились, ответственной. С человеческим пониманием.

Вон, справа от водителя глава комиссии восседает — Пал Палыч. Щеголеватый субъект чуть старше тридцати, костюмчик, рубашка в тонкую полоску, галстук. Отрепетированные манеры, чувство дистанции. Сейчас так модно — строить из себя важность: типа, к тридцати годам ты уже состоялся, успешен. Бейджик на шее, армия подчинённых, служебное авто... А без интернета ни на один профессиональный вопрос Паша не ответит: едва возникнет нужда — сразу в айфон, подсказки глядеть. Зато любит чужие идеи за свои выдавать, любит результат доложить. Естественно, положительный.

Жалко Ельцову молодёжь и от того, что нормальным юношам и девушкам приходится теперь с серой массой сливаться, делать вид, что они для серости свои. В почёте крутые, дерзкие выходки, демонстрация пренебрежения к ровесникам послабее и к тем, кто годами старше. А хорошими достижениями сейчас только проблемы наживёшь, нездоровое внимание.

Может быть, девчужка-окулист из таких, нормальных? Ведь пробуксовывает у Гены впечатление, пробуксовывает — Ельцов ощущал это спиной. Девчужка очень естественно смеялась, и за словом в карман могла не лезть, но ожидаемой от неё податливости: “Ах, Гена, я теперь ваша!” — всё не случилось. Будучи невольным слушателем доброй части разговора, Ельцов приветствовал сдержанность девушки.

Он хорошо разглядел кареокую и златовласую окулистку на посадке и раньше всего подумал, как прекрасны в утреннем свете взбитые огненные кольца волос! Потом уже не мог не отметить за общей симпатичностью лица едва сбитый прикус зубов, чуть просаженный утиной ложбинкой носик. Может, бесхитростная девушка, может, и наивность в ней есть... А Гена так ломится за добычей, что болтологией своей уже порядком надоел!

Едва Ельцов решил плюнуть на раздражающий шёпот альфа-самца и спать, как водитель внезапно притормозил. Кто-то произнёс слово “авария!”, медики зашевелились, стали тянуться к окнам. Ельцов тоже заинтересовался: что там?.. Две легковушки и небольшой грузовичок в хаотичном расположении, помяты... Ни гаишников, ни “скорой”, только три мужские фигуры. Один к мобильнику приник, второй с надеждой оглядывается по сторонам. Последний — у синего “Форда”, склонился к водительскому месту — там кто-то есть.

“Кажется, без кровищи, — подумал Ельцов. — Машины на колёсах, деформация умеренная... Впрочем, человеку пострадать — не обязательно автo в гармошку”.

“Бусик” аккуратно объехал место происшествия и дал газ. Ельцов встал, бросил взгляд на Пал Палыча — глава комиссии, как ни в чём не бывало, с деловым видом уставился в планшет. Ельцов осмотрел салон — любознательство среди коллег улеглось, многие ввали в прежнее вялое состояние. Альфа-самец Гена на последнем ряду взялся за прерванный рассказ.

— Там же авария, — кашлянув, сказал Ельцов. — И пострадавший вроде есть.

Пал Палыч безразлично пожал плечами: что поделаешь, бывает!

— “Скорая” только минут через тридцать приедет! — пояснил свою тревогу Ельцов. — А у нас спецаптечка.

Все понимали, куда клонит терапевт, но поддерживать его никто не спешил. Ельцов даже сквозь затылки видел их равнодушие. Он шагнул в центр, поближе к Пал Палычу, повторил.

— У нас другая задача, — спокойно ответил тот. — И ещё пути — не один час.

— Так мы что, не врачи?! — уже громче огласил Ельцов своё недоумение. И повертел головой, вновь ожидая поддержки. — Мы, выходит, не врачи?!

— В каком смысле? — уже с нотой раздражения, словно оскорблённый лично, спросил Пал Палыч.

— Помощь оказать — вот в каком! По закону же вроде обязаны?

— Кому надо, приедут и окажут, — Пал Палыч заёрзал в кресле, для вящей солидности резким жестом оголил на руке часы.

— Сейчас прозвучат слова о клятве Гиппократата, — альфа-самец Гена сказал с последнего ряда так, чтобы все слышали, и снабдил фразу преотличнейшей иронией. — В своё время на неё натаскивали крепко!

— Не прозвучат, — повернулся к нему Ельцов. — Клятва — это для людей с совестью.

— Вот такие мы бессердечные эскулапы! — тут же нашёлся Гена и специально для молоденькой соседки соорудил слезливо-виноватое лицо. Перепалки языком были любимым занятием Гены, и кроме того, он считал, что давить оппонентов надо всегда шутками.

— Я лично вот чем могу помочь? — на манер юродивого осведомился он. — Мазок, может, взять?.. А она? — Гена показал на рыжеволосую окулистку, затем дурашливо прикрыл один глаз рукой. — Покажите “ШБ”, пациент! — произнёс он скривлённым ртом.

Дерматовенеролог ждал цунами веселья, как же — его фразы полны хлёсткого юмора! Однако взрывов смеха не последовало, а девушка-окулист несколько отстранилась от коллеги. Ельцов понял, что бессмысленный диалог забирает время, к тому же он изначально не рассчитывал на помощь подобных Ген.

— Степаныч, тормози! — направился Ельцов к водителю.

Пухлый, колобкообразный Степаныч устремил раскрасневшееся лицо вперёд — сделал вид, что не слышит. Ельцов такие замашки водителя уже знал: калории свои Степаныч чрезвычайно ценит, и если не в настроении — попробуй подкорректируй ему маршрут!

— Тормози! — крикнул Ельцов более строго, видя, что “бусик” продолжает гнать. — Всё равно будем возвращаться. — Он подошёл ближе, к переднему отсеку, стал увещевать. — Аварию-то рулём повертел — объехал, а с совестью такой зигзаг не пройдёт! Это я тебе как специалист говорю.

Степаныч сбросил скорость, но за окончательной санкцией повернулся к старшему. Пал Палыч чувствовал, что ситуация скользкая, непредсказуемая, и кто знает, чем для его авторитета обернётся решение? Он молча показывал головой “ни да, ни нет”, словно предоставлял свободу выбора другим.

— Ну, — поторопил Ельцов.

— Вот и принимайте на себя ответственность, Леонид Иванович! — молодой да ранний Пал Палыч на всякий случай подстраховался официальной фразой.

— Приму! — успокоил его Ельцов. — Но даже остановиться, спросить: “Помощь нужна?” — что, страшно из-за ответственности?.. Ты же водитель, Степаныч, и пострадавший — водитель! — Ельцов чуть подался к лобовому стеклу. — Я понимаю, красный крест на “бусике” удобен, чтобы гаишники не тормозили, а когда помочь?..

Степаныч неопределённо крякнул-хрипнул, включил левый поворот...

Картина на месте аварии была прежней. Действующих лиц не прибавилось, один из участников сидел в кабине грузовичка и нервно настукивал пальцами по рулю. Двое остальных следили за возвратившимся “бусиком” с надеждой.

Ельцов взял медицинскую аптечку, вопросительно посмотрел на хирурга.

— Александр?

Хирург — крутолобый блондин с броскими, словно на римском барельефе, чертами лица, молча огладил пятернёй курчавые и рано редющие волосы, встал. Ельцов порадовался, что плотный в плечах и груди парень без особых ворчаный готов стать помощником.

За открывшейся дверью сразу оказался мужичонка маленького роста, скуластый, с шершавым обветренным лицом. Видно было, что он успел из-

маяться ситуацией, поскольку говорил торопливо и нервно жестикулировал.

— Вот! Угроздило на пустой трассе!.. — горячо пожаловался он, хотя в словесном описании дела не было никакой нужды.

Ельцов воспринял его реакцию спокойно — не исключён психический шок.

— Кто тяжёлый есть? — спросил он.

Мужичонка показал на синий “Форд”.

— Кажись, совсем плохо! Стонет! А трогать боимся, слышал, должен эвакуировать специалист.

— Правильно слышали, — ободряюще сказал Ельцов.

Он оглянулся — из “бусика” вышел Пал Палыч, следом ещё несколько врачей.

— Так вы взяли и проехали! — мужичонка замахнулся высказать претензию злее и напористей, да вдруг побоялся переступить меру. — А у вас же красный крест. А вдруг он помрёт?

— Север же всегда взаимовыручкой держался! — вставил слово второй и в сердцах махнул рукой. — И что сейчас?!

Ельцов, косясь, поглядел: слышит ли Пал Палыч? Кажется, слышит.

— Теперь вернулись и займёмся, — сказал Ельцов.

Водитель “Форда” — мужчина добротной комплекции — так и сидел на месте с отрешённым взглядом, без попыток шевелиться.

— Если тронуть, он стонет! — испуганно пояснил мужичонка.

Руки Ельцова пробежались ощупать на шее пульс, подъём грудной клетки: “Без сознания, удар в грудину, не исключён и позвоночник” — пронеслось у него в голове.

— Этот не виноват вовсе! — мужичонка кивал на водителя “Форда” и выговаривался. — Нас вот тот задел! — он указал на грузовичок, стоявший метрах в десяти. — А теперь там сидит себе!

— Это уже не нам выяснять, — остановил его Ельцов.

Мужичонка словно не слышал, жестикулировал.

— На обгон... рванул и задком! — рука мужичка всё рвалась указать на виновный грузовичок.

— Найдите вещи какие-нибудь постелить, — приказал Ельцов. — Здесь, на обочине пока уложим.

— Хорошо! Хорошо! — мужичок с готовностью подхватился бежать.

— В пациенте килограммов сто, — Ельцов показал хирургу на водителя. — Основная надежда на тебя, Саша, ты мужик крепкий.

Александр с готовностью кивнул.

— Как брат, знаешь? — спросил Ельцов.

Тот неловко замялся:

— В теории. Ну, под мышки.

Ельцов подался вплотную к хирургу, зашептал:

— Ни разу не пробовал?

— Так нам их на стол готовых подкатывают, — таким же негромким голосом стал оправдываться хирург.

— Подкатывают... готовых, — проворчал Ельцов. — Эх, Саня, Саня, учись тогда по ходу жизни! Я это дело ещё медбратом прошёл, в студентах.

Александр наклонился над водителем, пропустил ему руки снизу плеч.

— Так, обхвати грудь и голову удерживай! — руководил Ельцов. — А я ноги.

Пострадавшего с немалыми усилиями вынули из машины, аккуратно положили на подготовленное место.

— Под шею валик какой-нибудь придумай! — сказал Ельцов, а сам полез в аптечку. Всосал в шприц ампулу анальгина, оголил водителю плечо.

После укола водитель очнулся, застонал.

— Всё, всё, сейчас легче будет, — успокоил его Ельцов. — И в больницу скоро доставят.

Когда на шоссе мелькнул синий маячок “скорой помощи”, Пал Палыч скомандовал всем заходить. “Обойдутся теперь без нас!” — с явным облегчением добавил он.

Кто выходил из “бусика”, вернулись по местам. Степаныч глянул в салон круглым раскрасневшимся лицом, деловито, с приподнятым настроением осведомился: “Никого не оставили?” Все почему-то сочли нужным посмотреть в конец — на месте ли Ельцов? Ельцов вошёл последним и не желал даже в мыслях соотносить свой поступок с каким-то героическим действием: экстренная помощь — рядовая обязанность врача. Его так научили в институте, с этим он прожил всю жизнь.

Белый “Фольксваген”, взбрыкивая мощью всех своих лошадиных сил, рванул по трассе, а на Ельцова неожиданно нахлынула радость. Нахлынула волной какого-то лёгкого счастливого состояния, бескрайнего душевного простора. И это была радость не за себя, а за хирурга Саню, что сразу, без упирательства, отозвался и бросился на помощь; и теперь в копилку Сане этот важный опыт будет зачислен — опыт во всех смыслах: моральном, профессиональном. За Степаныча, который сейчас не бухтит из-за внепланового разворота и не ноет, а очень даже весело крутит баранку. За самого пострадавшего, которому облегчили боль; за общую атмосферу, в которой, как он чувствует, у многих с души упал камень.

Он обратил внимание, что Гена сидит сзади один — девушка-окулист по возвращении выбрала другое место. Да, она сказала расфуфыренному Гене, что желает немного поспать, и тот понял, какая правда за этими словами. Понял и сидит теперь надутый, как сыч.

И сам Пал Палыч задержкой огорчён меньше, чем кажется. Доложит потом Пал Палыч начальству, что по пути следования увидел аварию и счёл нужным организовать пострадавшим помощь... Ну, да ничего, пусть докладывает...